

ВСЕРОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО НЕВРОПАТОЛОГОВ
И ПСИХИАТРОВ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ

(Материалы к симпозиуму в г. Москве — сентябрь 1975 г.)

Ответственные редакторы:

В. М. Баншиков, заслуженный деятель науки,
профессор. Б. Ф. Ломов, член-корреспондент АПН СССР

Редакционная коллегия:

А. В. Брушлинский, Г. В. Морозов, Л. Л. Рохлин,
Е. В. Шорохова

МОСКВА — 1975

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Я. А. ПОНОМАРЕВ (Москва)

Проблеме соотношения биологического и социального в развитии человека посвящено прямо или косвенно огромное количество исследований философов, биологов, психологов, социологов, деятелей педагогики и медицины. Однако до сих пор в ее разработке нет ожидаемого продвижения. В этом смысле биосоциальная проблема напоминает психофизическую, единственно верное решение которой заключается в отнесении ее к категории ложно поставленных проблем.

Неопределенность содержания биосоциальной проблемы следует уже из явной неопределенности понимания ее основных ингредиентов: биологического и социального. В наших словарях, энциклопедиях этих терминов нет. Представление о их содержании составляется обычно на основании тавтологических характеристик предметов биологии и социологии (например, биологии как науки о жизни, о живых системах; социологии — как науки об обществе, о социальных системах). Вместе с тем, границы реальности, стоящей за характеристиками этих предметов, никогда не были ясными. Предметы биологии и социологии характеризуются также как качественно своеобразные формы движения материи и таким путем противопоставляются друг другу. Однако в какой мере оправдано такое противопоставление? Оно правомерно относительно двух стадий развития жизни — до и после возникновения человека. Правомерно, например, противопоставление стадного поведения животных и социального поведения людей, взаимодействий внутри группы

людей и группы животных, взаимодействий этих групп с окружающей средой и т. п. Но данное противопоставление не аналогично противопоставлению социальных систем живым системам: если группу животных составляют живые существа (и поэтому взаимоотношения между ними относятся к категории живых систем), то и группу людей составляют живые существа. На каком же основании взаимодействия людей следует выводить за грани живых систем?

Выведение предмета социологии за грани живых систем правомерно, если в качестве такого предмета рассматривать объединения машин, автоматов, их взаимоотношения внутри объединения, взаимодействия с окружающей средой. Но при таком условии из компетенции социологии исключаются люди. Следовательно, противопоставление биологического (живого) и социального (живого) не правомерно. Здесь можно противопоставлять лишь два уровня организации живых систем.

Таким образом, социальная форма движения не противостоит биологической (живой). Социальное — лишь более развитая фаза жизни. В рассматриваемом аспекте при корректной постановке биосоциальная проблема должна быть преобразована в зоосоциальную.

Здесь различия двух уровней организации жизни (в одном случае, живой системы низшего уровня, компонентами которой являются животные, и, в другом случае, аналогичной живой системы, компонентами которой являются люди) приобретают очевидность. Стадные системы животных не имеют модельного (знакового) плана реальности. Складывающиеся взаимоотношения внутри стада (зоологические нормы) фиксируются в генетически закрепленных преобразованиях структуры вещества организма животных — инстинктах. Социальные отношения людей фиксируются в модельном плане, во внешних по отношению к веществу организма преобразованиях — в нормах социального поведения. Стадо только приспособляется к среде, в отличие от общества людей животные не преобразуют среду целенаправленно. Результаты воздействий стада на факторы среды резко отличаются от соответствующих эффектов целенаправленных воздействий общества людей: животные не вычлениют среди воздействий среды того, что является результатом их собственного действия — изменения,

вносимые животными в среду, выступают для них рядоположными со всеми прочими изменениями, возникающими в среде вне зависимости от их собственных воздействий.

Легко понять, что применительно к изучению современности содержание зоосоциальной проблемы совсем иное, чем то, которое неформализованно, интуитивно вкладывается в смысл биосоциальной проблемы. Зоосоциальная проблема выступает в таком случае как проблема рационального использования домашних животных, приручения новых видов, использования и охраны диких зверей, птиц, рыб и т. п. Именно в данном смысле она имеет отношение к онтогенезу современного человека, к развитию современного человека, к развитию современного общества.

Зоосоциальная проблема может быть рассмотрена также применительно к антропогенезу и филогенезу общества. Но и здесь ее смысл (только что обозначенный нами) в главных чертах сохраняется неизменным. Современное животное стадо может служить лишь очень условной точкой отсчета социогенеза.

Отображение генезиса форм взаимодействия живых систем — весьма трудная, пока еще далеко не решенная (даже в общем плане представления о развитии) проблема. Трудность ее состоит в первую очередь в том, что те уровни организации, которые сейчас выступают перед нами как более или менее сложные, прошли длительный процесс преобразований. Существующие в настоящее время формы с относительно простой организацией (например, растения), не обязательно являются предками более сложных форм. Многие современные формы сложились в итоге узкой специализации, редукции и других преобразований, которые привели к существенному упрощению уровня организации их генетических предшественников. Это не предки и потомки, это современники, имевшие в прошлом общего предка. Представление о таком предке может быть составлено лишь путем генетической реконструкции, опирающейся на знания общих законов взаимодействия и развития.

Сам факт существования биосоциальной проблемы говорит о том, что пока достаточно детального знания об общих законах взаимодействия и развития не выра-

ботано. В данном направлении остается сейчас лишь одна возможность — построение гипотез¹.

Мы полагаем, что понятие «форма движения материи» может быть осмыслено как абстракция, отображающая какой-либо один из структурных уровней организации конкретной системы. Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что акт взаимодействия никогда не протекает непосредственно в пределах одной формы. Непосредственная связь в пределах одной формы мыслима лишь как абстракция. Реально она всегда опосредствуется переходом одной формы в другую, так что лишь общая совокупность ряда превращений дает, наконец, эффект в пределах одной формы. Этому общему положению не противоречит ни одно из известных нам явлений.

В таком случае возникновение новой конкретной формы организации живой материи (общества и его компонентов — людей) нельзя рассматривать как надстройку над предшествующей конкретной формой. Процесс социо- и антропогенеза надо рассматривать как коренную перестройку одной из конкретных предшествующих зоосистем. Внутри этой развивающейся конкретной системы противопоставления зоологической и социального не возникает, так как по мере становления и развития социального преобразуется соответствующим образом состав исходной системы, формируется структура новой конкретной системы — новой формы организации жизни, называемой (по ее высшему структурному уровню) социальной. Противопоставление социального и зоологического сохраняется, таким образом, лишь в сопоставлении двух различных конкретных систем: развивающейся — социальной и не включившейся в развитие, застывшей — зоологической. Внутри новой конкретной системы такого противопоставления нет.

Преимущества «перестроечной» гипотезы над «над-

---

¹ При построении нашей гипотезы мы опираемся в основном на экспериментальный материал (не воспроизводя его содержания) проведенного нами исследования формирования и функционирования психологического механизма интеллекта человека, широко экстраполируя полученные выводы (с целью поиска общего в частном). Отдавая полный отчет в грубости такого приема, мы все же считаем такие экстраполяции целесообразными, поскольку они должны создавать известную почву для последующих обобщений.

строечной» становятся еще более вескими, если принять во внимание тот факт, что социогенезу до определенного момента сопутствовал антропогенез, что социогенез был невозможен без антропогенеза.

Вместе с тем оговорка «до определенного момента» ставит, казалось бы, под сомнение однозначность и логическую полнообъемность гипотезы «перестройки». Вопрос о прекращении (точнее — затухании) антропогенеза допустимо считать научно решенным. Однако продолжение развития общества не вызывает сомнений. Не опровергает ли это гипотезу перестройки?

Для анализа данного вопроса несколько подробнее рассмотрим тот аспект биосоциальной проблемы, где на передний план выступают события, которые, как это нередко теперь говорят, происходят «под кожей человека».

Именно «происходящее под кожей человека» чаще всего относят к «биологическому», не возвышая при этом биологическое над зоологическим.

Не считая целесообразным, по указанным ранее соображениям, пользоваться в данном случае термином «биологический», мы называем упомянутые отношения социоорганизмическими¹. В одном из частных случаев они могут выступить, например, как социофизиологические. Именно в них обычно включаются вопросы врожденных и прирожденных особенностей человека, событий, связанных с обменом веществ и других существенных признаков, характерных для любых или относительно высокоразвитых живых систем. Наличие таких признаков и у животных, и у человека служит обычно основанием для признания человека существом биологическим (в смысле — зоологическим). Специфические же особенности человека ведут к признанию его социальности, и таким образом — к расчленению в нем биологического и социального — к постановке биосоциальной проблемы. Если к тому же и антропогенез считать явлением биологическим (в смысле — зоологическим), а его затухание связывать с началом социального, то расчле-

¹ Необходимо заметить, что в данном аспекте термин «социальное» приобретает иной смысл. Он характеризует собой не конкретную систему (называемую «социальной» по высшему структурному уровню ее организации), а лишь соответствующий структурный уровень, т. е. абстрактно выделенную систему, абстрактно представленную форму взаимодействия (движения).

нение и противопоставление биологического социальному в пределах конкретной системы окажется вполне оправданным. Восторгается гипотеза «надстройки».

Однако, исходя из гипотезы «перестройки», можно предложить совершенно иной подход, согласно которому любая аналогия между человеком и животным не превращается в тождество, подобно аналогии животного стада обществу людей.

Набрасывая общий облик реализации такого подхода, укажем прежде всего на одну из причин некорректности постановки не только биосоциальной, но социофизиологической проблемы. Дело в том, что объективно прямой связи между социальным и физиологическим нет. Иллюзия наличия такой связи объяснима лишь исторической традицией формирования представления о психическом. Эта традиция характеризуется пониманием психического как идеального, отождествлением психического с субъективным, суждением о психическом как о конкретном.

Именно ложные методологические основания, создавшие основу идущей от Декарта традиции извращенного понимания психического, связанной со взглядом на психическое как на нечто непространственное, нематериальное, с утверждением психофизического (а тем самым и психофизиологического) дуализма и выразившейся в исключении психического из всеобщей связи событий материального мира, в придании психическому ранга познавательной уникальности, привели к образованию познавательной пропасти между социальным и физиологическим, а тем самым — и к постановке неразрешимой социофизиологической проблемы, к исключению возможности плодотворной разработки представления об отношении социального и организмического.

С точки зрения гипотезы «перестройки» плодотворная разработка этого представления возможна лишь при признании того, что связь между социальным и физиологическим опосредствуется психическим, при предварительной разработке социопсихической и психофизиологической проблем. Естественно, что такой подход осуществим лишь при условии коренной ломки и преобразования традиционного представления о психическом.

Развитие принципиального решения этой задачи опи-

сано в ряде работ автора данной статьи. Первый шаг такого решения был связан в основном с критикой представления о психическом как об идеальном, с разработкой понимания психического как материального, с включением психического в общую систему связей материального мира в качестве одной из форм движения материи — сигнального взаимодействия материального субъекта с материальным объектом. Второй шаг — с критикой отождествления психического с конкретной деятельностью, с субъективными явлениями, с разработкой понимания психического как одного из структурных уровней организации данных явлений, или шире — как одного из структурных уровней организации жизни.

Гипотеза о «перестройке» связана с пониманием структурных уровней организации конкретных систем как трансформированных этапов их развития. Возникновение новых, высших уровней, естественно, предполагает определенное развитие, формирование и низших уровней. Развитие высших уровней происходит не путем надстройки над неизменными предшественниками, а путем перестройки всей конкретной системы, путем дополнения, преобразования низших уровней, путем приведения их в соответствие с высшими. Иначе говоря, развитие высшего уровня невозможно без соответствующих достроек, преобразований низших уровней. Это развитие неизменно включает в себя такие преобразования.

События на высших уровнях (т. е. взаимодействия в высших формах) немислимы, если цепь уровней (взаимодействий) оказывается порванной в каком-либо из нижележащих звеньев. Возможность функционирования высшего уровня зависит от всей цепи. Невозможно, например, социальное поведение человека, находящегося под полным наркозом, т. е. того человека, у которого выключен психический — сигнальный — уровень организации жизни, у человека, который существует лишь как ущербный, неполноценный, не способный к обеспечению функционирования высших уровней организм.

Развитие представляет собой, таким образом, не «надстройку», а одновременную дифференциацию и реинтеграцию всей конкретной системы.

¹ См. Я. А. Пономарев. Психология творческого мышления (М., 1960); Знания, мышление и умственное развитие (М., 1967); Психика и интуиция (М., 1967); Проблемы психологии творчества (М., 1972).

Однако почему в таком случае затухает антропогенез при продолжении развития общества? Для ответа на этот вопрос наметим вначале схему взаимоотношений между различными структурными уровнями организации конкретной системы.

В общем виде схема эта такова: высший уровень представляет собой не что иное как определенную организацию элементов низшего.

Например, психическое по отношению к организмическому, в частности к его высшему структурному уровню — физиологическому, выступает как совокупность относительно простых физиологических реакций, протекающих в строго определенной последовательности. Каждая отдельная реакция отвечает законам физиологии. Но строго определенная последовательность реакций внутри их комплекса — функциональная система реакций — строится по законам психологии. Эта функциональная система и представляет собой один из продуктов психического взаимодействия — элемент психики. Иначе говоря, каждый физиологический элемент психики формируется по законам физиологии, отображающим процессы взаимодействия органов и тканей («под кожей»), но сама функциональная система этих элементов формируется по законам психологии, отображающим процессы взаимодействия субъекта с объектом («над кожей»). Эти процессы уже не замыкаются в мозгу. Они осуществляют сигнальную связь живой системы с окружающим миром, являясь необходимым условием ее специфической ориентации во времени и пространстве. Деятельность человека во внутреннем плане, «в уме» есть, как известно, интегрированная форма внешней деятельности. Она подготавливает, обслуживает, планирует внешнюю деятельность. Поэтому сам факт «умственной деятельности», т. е. оперирования не объектами-оригиналами, а их моделями, не противоречит общему положению о выходе психического во вне. Этим выходом и осуществляется, в частности, его связь с социальным.

Есть достаточно оснований утверждать, что в процессе становления, т. е. в филогенезе, физиологическое не предшествовало психическому. То и другое было представлено в нерасчлененном единстве, в возможности. В этом смысле существенный интерес представляют некоторые попытки дать определение жизни с позиции ки-

бернетики: понять жизнь как высокоустойчивое состояние вещества, использующее для выработки сохраняемых реакций информацию, кодируемую состояниями элементов этого вещества. Для нас «использование информации» (понимаемой в широком смысле) и есть решающий признак психического в его процессуальном выражении, а организация состояний вещества, кодирующего информацию, и есть результативный аспект психического — психика. Сами же эти состояния соответствуют тому, что мы относим к организмическому. Поэтому возможно допущение, согласно которому физиологическое можно рассматривать как интериоризованное и редуцированное психическое; в филогенезе физиологическое возникло не до психического, не предшествовало ему, а формировалось одновременно с ним. И лишь затем физиологическое обособилось как один из специфических уровней организации живых систем, функционирование которого может быть описано относительно самостоятельными законами. В процессе антропогенеза одновременное формирование специфического для человека физиологического и психического еще более вероятно.

Отношение психического к социальному аналогично описанному выше.

Если мы взглянем на истоки социального и станем рассматривать их как специфические объединения живых систем, не связывая такие объединения обязательно с наличием людей, то заметим, что так понимаемое «социальное», несомненно, свойственно всему живому. И именно оно явилось наиболее мощным фактором развития психического (а следовательно, и организмического). Мы понимаем психическое как взаимодействие субъекта с объектом. Естественно, чем содержательней объект, тем более богато взаимодействие с ним, тем больше оно несет возможностей к развитию. Несомненно, что для живого существа (наиболее сложно организованного) самым богатым источником развития служило взаимодействие с себеподобным.

Например. Важнейшим условием развития собственно человеческой деятельности, бесспорно, явились различные формы социального общения. Только под их влиянием и возможно было формирование нового, специфического для человека взаимодействия субъекта с объектом,

развитие новых форм деятельности и прежде всего самого труда (в узком его понимании — прежде всего как специфического для человека способа преобразования природы в целях создания условий, благоприятствующих осуществлению процесса обмена веществ и т. п.). Социальное взаимодействие всегда остается по отношению к психическому ведущей формой.

Таким образом, гипотеза «перестройки» приводит к выводу о том, что зародыши психической, организмической и социальной форм взаимодействия возникли одновременно. Их нерасчлененное единство уже содержится в простейшем живом существе, оно потенциально включено в сам принцип сигнальной связи. Одновременно происходит и их дальнейшее развитие: центральное звено остается при этом за психическим, книзу от него формируется организмический уровень, сверху — социальный.

Высший уровень несет функцию системы-лидера. Потребность в новизне складывается на нем. Средства к ее удовлетворению дают низшие уровни. Таким путем идет преобразование низшего под влиянием высшего. В этом заключена и тенденция к затуханию филогенетического развития низших уровней. Высший уровень всегда имеет свой определенный «заказ» к низшему. Этот заказ определяется потенциальными возможностями высшего. Развивая эти возможности, он вызывает преобразования в низших уровнях. Но лишь до тех пор, пока развитие низших уровней не достигнет определенного предела, на котором низший уровень приобретает необходимые «степени свободы» для удовлетворения всего объема возможных заказов высшего уровня, иначе говоря, до того предела, когда низший уровень оказывается способным обеспечивать набор элементов, удовлетворяющих любым комбинациям при формировании тех функциональных систем, к созданию которых потенциально способен высший уровень. Достигнув такого предела, развитие низшего уровня затухает. Таким путем затухает и антропогенез. Таким путем затухла и эволюция животного мира. Все существующие сейчас виды животных исчерпали потенциальные возможности своих систем-лидеров, не пробившись при этом на высший уровень. Все они представляют собой тупиковые ветви. На высший уровень пробивались лишь предки человека. Настанет время, когда

и общество людей будет приближаться к такому исчерпанию. Надо будет прорываться на новый структурный уровень. Возможность к такому прорыву складывается уже сейчас. Теснейшим образом она связана с производством средств производства.

Итак, согласно гипотезе «перестройки», развитие организмического уровня должно затухать раньше, чем психического. Однако до своего затухания организмический уровень должен быть способен обеспечивать любые заказы психического, он должен быть адекватным всем его потенциальным возможностям. Затем затухает психический уровень (по всей вероятности, это уже произошло). Однако и он должен обеспечивать все потенциальные возможности социального уровня. И это, по всей видимости, произошло. Психологический механизм интеллекта человека остается на протяжении многих веков неизменным, однако он с полным успехом обеспечивает постоянное развитие интеллекта, понимаемого как конкретный аппарат ориентации человека во времени и пространстве — состав и глубина знаний людей более поздних эпох, несомненно, богаче, чем у предшественников.

Теперь мы можем вновь вернуться к исходному пункту — к биосоциальной проблеме. Мы убедились, что в традиционном виде она поставлена неправильно. Но ее можно преобразовать в ряд проблем. Прежде всего — в зоосоциальную и социопсихоорганизмическую. Традиционную биосоциальную проблему больше всего волнует вопрос: в какой мере организмический уровень человека близок к соответствующему уровню животных? С точки зрения гипотезы «перестройки» следует, что вся эта близость лежит в пределах аналогий, но не тождества. Все аналогии возникают потому, что в том и другом мы сталкиваемся с проявлением одних и тех же общих законов развития. Тождество не возникает потому, что в тех же случаях общие законы проявляются в особенных, специфических формах.

У человека, как и у животных, есть организмический генотип. Но это иной генотип. Он строго приурочен к заказу психического уровня, обслуживающего не инстинктивное поведение в зоообъединении — стаде, а социальное поведение человека. Организмическая наследственность фиксирует ту структуру организма человека, которая выработана до затухания антропогенеза и обеспечивает при-

жизненное развитие психологического механизма интеллекта человека. Все новообразования, возникающие после завершения антропогенеза, не наследуются организмически и т. п. Своеобразие организмической наследственности проявляется сейчас лишь в индивидуальных различиях, не выходящих за пределы антропологической нормы, но широко варьирующих в разных направлениях внутри ее.